

**Т. Ф. Извекова****Этнолингвистический анализ календарных обрядов алтайцев**

Статья посвящена этнолингвистическому анализу календарных обрядов алтайцев в аспекте функционирования в национальной картине мира. Данная работа имеет цель лингвокультурологического исследования лексико-семантического поля тематических дефиниций, а также выяснения основных способов пополнения и словообразования данной группы.

**Ключевые слова:** лингвокультурологический аспект, календарные обряды алтайцев, обрядовая поэзия, концепт «праздник», языковая картина мира, алтайский язык, национально-культурная специфика, единицы языка, культура, менталитет и национальные традиции.

**T. F. Izvekova****Ethno-Linguistic Analysis of Calendar Rites of the Altaians**

The article is dedicated to the ethno-linguistic analysis of calendar rites of the Altaians in the aspect of their functioning in the national world-image. This work has the aim to study the lexical and semantic fields of thematic definitions as well as to find out the main ways of updating and word building of this category in the linguistic and cultural context.

**Keywords:** linguistic and cultural aspects, calendar rituals of the Altaians, ritual poetry, concept of "Holiday", the linguistic world picture, the Altaic language, national and culture specificity, linguistic units, culture, mentality and national traditions.

Обрядовая лексика национально ориентированных картин мира все еще остается объектом, не слишком избалованным исследователями, и достойна более пристального специального изучения, хотя имеются работы ученых, в которых затрагивается данная тема. Исходя из того, что язык является важнейшим элементом человеческой культуры, в данной работе сделана попытка проследить особенность обрядовой календарной лексики.

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. В этом плане язык фольклора – это образец художественного речеупотребления, сохранившего не только древнейшие лексические пласты, но и формульные выражения устойчивой эстетической коммуникации. В произведениях устной поэзии воплощены история, этика и философия народа. В этой своей функции фольклор характеризуется как выражение общественного сознания, и изучение его словесной ткани требует познания множества явлений, присущих языку и культуре этноса.

Лингвокультурологический аспект изучения языка в настоящее время является одним из наиболее перспективных, так как познание языка невозможно в отрыве от истории и культуры носителя языка, психологии и образа жизни народа. Язык служит мощным источником структурно-

сти и организующим центром для знаковых систем общества, являясь, по мнению Ю. М. Лотмана, «естественным субстратом» семиотического языка культуры [1, с. 254, 487]. Лексическое значение слова и культурная семантика находятся в исторической и действенной преемственности. Семиотические функции, которые может выполнять в традиционной культуре тот или иной предмет, то или иное действие, совпадая с кругом переносных значений его имени, оказываются шире; языковая семантика выступает базой, на которой строятся культурные смыслы.

Язык является формой и орудием развития культуры народов, его интеллектуального, художественно-эстетического самовыражения. Язык – хранитель истории, он связывает поколения, он основной фактор поступательного развития человеческих знаний, общественного прогресса. Как заметила М. И. Черемисина, «в языке, в его словаре и грамматике фиксируются, хранятся и передаются потомкам все достижения познающей человеческой мысли, наблюдений и опыта поколений предков. Особенно нагляден в этом смысле лексический фонд языка. Объектом непосредственного познания средством языка являются также разнообразные отношения, которые фиксируются не только словами, но и каче-

ственно иначе – грамматическими формами слов» [2, с. 13].

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. В этом плане язык фольклора – это образец художественного речеупотребления, сохранившего не только древнейшие лексические пласты, но и формульные выражения устойчивой эстетической коммуникации. В произведениях устной поэзии воплощены история, этика и философия народа. В этой своей функции фольклор характеризуется как выражение общественного сознания, и изучение его словесной ткани требует познания множества явлений, присущих языку и культуре этноса.

В условиях бесписьменного общества, будучи средством упорядочения действительности, язык используется как универсальный культурный код. Национальное своеобразие языковой картины мира проявляется уже в способах номинации данного языка, поскольку слово выступает как знак и образ внеязыковых реалий: что увидел тот или иной народ в названном предмете, по каким признакам он осуществил наименование, какой образно-символический потенциал лексики использовал.

Выявление национально-культурной специфики языковых единиц и прежде всего слова как комплексной единицы языка и культуры предопределяет актуальность изучения явлений языка в их соотносительности с его кумулятивной, культурообразующей функцией. Именно в языке отражены культура, история, традиции и менталитет того или иного народа.

В алтайском языкознании лингвокультурологический аспект слова является малоизученным. В исследованиях, посвященных рассмотрению разных концептов, обращается внимание на то, что в центре лингвокультурологии находится человек, рассматриваемый как носитель языка и культуры, его фоновые знания, поведенческие нормы, делающие конкретного индивидуума представителем данной культуры.

Источником возникновения, развития и сохранения лексики праздников алтайцев явились формы этнического хозяйства, основанные на кочевом укладе жизни в условиях Сибири. Изучение праздничной лексики алтайцев предполагает ознакомление с содержанием и языком основных составляющих этой культуры – обрядами, играми, песнями и заклинаниями, а также всем, что сопровождает сам праздник – организация пространства, костюм, «вещнаполнение» и «вещефункциональное». В описании сохра-

нились своеобразие языка, формы и содержания разговорных текстов. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время пока еще нет достаточно полного свода описаний праздников, обрядов и игр алтайцев.

Нельзя не отметить две существенно различные группы социальных явлений, за которыми уже закрепились два термина: обычай (традиция, нравы) и обряд (ритуал, церемониал). По мнению С. А. Токарева, соотношение между обычаем и обрядом может быть выражено следующим образом: всякий обряд есть обычай, но не всякий обычай есть обряд.

Определяя понятие «обряд», С. А. Токарев писал, что обряд – это такая разновидность обычая, «цель и смысл которой – выражение (по большей части символическое) какой-либо идеи, чувства, действия либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием» [3, с. 28]. Отмечается, что обряд – это стереотипный способ деятельности. Синонимами понятия «обряд» часто выступают понятия «церемониал», «ритуал». В. П. Аникин и Ю. Г. Круглов определили обряд с точки зрения функциональной значимости: «Обряды – это установленные традицией действия, имеющие для исполнителей магическое, юридически-бытовое и ритуально-игровое значение» [4, с. 57].

Так, обряды играют роль механизма регуляции внутриэтнических связей, участвуют в собирании и последующей передаче культурного опыта народа, выполняют функцию воспроизводства особенностей этноса, жизненного уклада, форм общения людей, основных параметров материальной и духовной культуры, в том числе языковой.

Традиционные праздники и обряды – это средство общения человека с природой и условие жизнедеятельности и гармоничного развития общества. Основными средствами приобщения алтайцев к традициям и обычаям стали исторически сложившиеся обряды и праздники, обусловленные их жизнедеятельностью. В бесписьменный период жизни народа сведения об обрядах и праздниках передавались устной традицией. Именно поэтому лексика, отражающая праздники и обычаи, является одним из важнейших источников национальной культуры алтайского языка.

Этническое лучше всего сохраняется в бытовой и празднично-обрядовой культуре, которая является выражением основных сфер деятельно-

сти народа. Основным фактор, способствовавший возникновению обрядов и праздников алтайцев, – традиционный уклад жизни, особенности которого обусловлены хозяйственной деятельностью.

В культурной традиции алтайцев категории «обряд» и «обычай» также занимают важное место. На формирование этих категорий значительное влияние оказали древние магические формы, культы и этика шаманизма. Так, в алтайском языке для обозначения этого термина наиболее часто используются слова *чүм-жан* (церемония, ритуал, обряд), *байрам* (обрядовый праздник), *кеми-аайы* (этикет, приличие, норма, мера), *байланыш* (обычай, обряд поклонения, почитание, правила, каноны, культ), *тайылга* (обряд, кровавое жертвоприношение, обмен), *ыйык* (бескровное жертвоприношение, обряд, почитание, культ).

Для передачи понятия «обычай» в алтайском языке наиболее широко используется термин *жан* (нравы и обычаи, церемония), *жанжыгу* (обычай, этикет, церемония).

Известно, что алтайские, как и вообще тюркские, календарные обряды исходят из охотничьего и скотоводческого хозяйственного уклада. У северных алтайцев сохранился календарь, отражающий аграрный тип хозяйствования. Для этих мест, в той или иной степени сохранявших земледелие, нужно учесть еще одно обстоятельство – сдвиги сроков полеводческих работ (поздняя весна, ранняя зима и т. д.), что определяет перестройку и ослабление традиционного обрядового календаря. В целом, все это обусловило более раннее изживание древней охотничьей, скотоводческой основы и трансформацию многих обрядовых форм в празднично-игровые (*ойын-маргаан* – игрища-состязаний, *күрее кожон* – хороводы, *йыну* – катания с горок, *айылдаары* – хождение в гости и др.) [5, с. 87].

Во многих исследованиях по календарным обрядам поднимался вопрос об их в более раннем периоде возникновения и взаимосвязи. Эти взаимосвязи отразились в фольклоре и сосредоточены вокруг универсального мифологического мотива – через смерть к новому рождению. В. И. Еремина пишет об этом: «В фольклоре сфокусировались и сформулировались древнейшие человеческие верования, связанные с представлением о круговороте жизненных форм, с идеей вторичного рождения в новом качестве, с идеей обязательной смерти всего живого (для анимиста – всего вообще, смерти в том числе) для дальнейшего возрождения» [6, с. 3].

Лексика, связанная с охотой и скотоводством, занимает особое место в языке южных алтайцев. Народным сознанием подчеркивается сочетание в обыденной жизни людей праздника и будней, игры и труда: только после напряженного труда, монотонных будней человек познает истинный праздник и воспринимает его как перемену или переход в другое время или в другое состояние.

Своей земле-воде алтайцы поклоняются до сих пор два раза в год: первый раз весной в *жажыл бұр*, что означает ‘зеленая листва’; второй раз осенью в *сары бұр*, что означает ‘желтая листва’. Оба раза празднества сопровождаются принесением жертвы. Это говорит о длительной традиции поклонения родной земле. В календарных обрядах отражены представления, связанные с производственными силами земли. Так, в обряде кумандинцев «Кочо-Каан» отчетливо выделен аграрный культ умирания и воскрешения. Термин «Кочо-Каан» означает, вероятно, эротическое божество, олицетворяющее символ плодородия [7, с. 136].

В языке заложена семантическая основа, в которой показывается близость всех проявлений и этапов жизни человека и растений через семена, почки, молодые побеги, стебли, ветви, крону, ствол, корни и т. д. «Производным от ур является алтайское *үрен* со значениями: ‘семя, плод, зерно’; ‘учиться, обучаться, привыкать’; ‘дитя, поколение’. Выражение *үрениг үренге* переводится как ‘из рода в род’». Так алтайская загадка «Жалбыраар чуунын ичинде, Яш бала табынча жаанайт» / «Ребенок, завернутый в пеленку, растет с каждым днем» (семя) также отсылает нас к идее тождества зерна и младенца. В обращении к Май-эне алтайцы уподобляли новорожденного зернышку ячменя [8, с. 45].

Образ зерна/семени в мифопоэтической традиции прочно связан с представлением о смерти – возрождении – плодородии – жизни. Эта же связь продуцируется в семантике *көчө* ‘похлебке из целых зерен ячменя’, *бозо* ‘брага из проросших ячменных зерен’, *ботко* ‘мучная похlebка’, которые относились к кругу обрядовых блюд. Их готовили для церемоний, ориентированных на воспроизводство жизни. Воспроизводство, наглядно показанное в природных свойствах зерна, обусловило его использование в обрядности алтайцев.

Похлебка из целых зерен ячменя *көчө* – алт. (алтайский язык) в этом же значении встречается и в других языках: *коже* – тув. (тувинский язык); *көче угре* – хак. (хакасский язык) брага из про-

росших ячменных зерен поза, *боза* – алт. встречается в этом же значении и в шорском, тувинском и кумандинском языках.

Все виды народного фольклора в целом приурочены к определенным периодам народного трудового календаря. Большинство народных праздников, игр, ритуалов, будь это свадебный обряд, ритуалы, связанные со скотоводством, устраивались в весенне-летний период, когда суровая зима была позади, окот животных прошел и скотоводы перебрались на летние стоянки. Отдельные игры проводились зимой и ранней весной. Некоторые увеселения проходили ранней осенью.

Календарные обряды проводились в определенное время года. В народном календаре были выделены дни начала и окончания различных хозяйственных работ. Здесь отмечались также дни, на которые приходились отправления обрядов. Форма проведения календарного обряда призвана магическими (символическими) актами воздействовать на силы природы, на силы окружающего мира с целью обеспечения процветания человеческого общества, получения богатого урожая, приплода к скоту.

В день первого новолуния в начале года многие народы Востока отмечают новогодний праздник по лунному календарю. К их числу относятся и алтайцы, называющие Новый год Чагабайрам. Каждая семья перед своим аилом производит обряд «сап салары» – подношение, угощение божеству Алтая.

В серии ритуалов, направленных на получение природной «благодати», выделяются коллективные весенние моления «Жыыл бӯр», или «Алтай кӯдүргени» [5, с. 88].

Алтайские календари, по мнению С. В. Иванова, представляют собой «отклонения не только от древнего, но и от современного китайского цикла». Но вместе с тем прослеживается связь с китайской календарной мифологией, которая наложила отпечаток на большинство азиатских представлений о смене времен. С. В. Иванов отмечал: «Из 12 знаков алтайского календаря 9 также устойчивы; к ним принадлежат мышь, корова, заяц, змея, лошадь, баран, курица (или петух), собака, свинья (или кабан). Что касается тигра, то он, так же как в Китае, Монголии и у бурятов, заменяется иногда львом. Для дракона заменой являются жираф и птица. Но самые удивительные и неожиданные метаморфозы произошли с обезьяной. Как таковая она вообще исчезла из алтайского календаря. Фигура этого не-

известного на Алтае животного была истолкована как человеческая и в соответствии с этим подверглась частичной или полной антропоморфизации» [9, с. 625–626]. Интересно, что С. В. Иванов обращает внимание на давнее замечание Л. Э. Каруновской, которая использует название знака Мачин без перевода. У большинства тюркоязычных народов название *бечин*, *пичин*, *пичи*, *мечин*, *мешин* означает обезьяну. Это же название мы находим у бурят (бичи) и монголов (бечин). Таким образом, С. В. Иванов подчеркивает, что «В алтайской среде для обозначения обезьяны был принят один из тюркомонгольских терминов, утративший у алтайцев свое значение, а в связи с этим и форму. Неустойчивость представлений, связанных у алтайцев со знаком обезьяны, привела к разнообразию графических выражений этого знака» [9, с. 625–626].

Так, лексика календарных обрядов больше представлена названиями праздников, месяцев и годов, значения которых в тюркском языке известны. Структура и атрибутика календарных обрядов близки по содержанию.

В сказанном во время ритуала слове, в поведении человека во время обряда непосредственно выражаются мировоззренческие установки в словесной и действенной формах. Обрядовая поэзия тесно связана с концепцией поэтического мироощущения древних людей, с их эстетическими воззрениями.

В ходе нашей работы над обрядовой лексикой выявлены следующие пути ее обогащения: а) через использование внутренних ресурсов языка, то есть образование новых слов с помощью существующих в языке слов и словообразовательных элементов и б) посредством заимствования новых слов из других языков.

Таким образом, словарный состав языка, непосредственно связанный с общественной деятельностью людей, с их духовной культурой, обрядами непрерывно изменяется, становится все богаче и разностороннее не только за счет внутренних ресурсов языка, но также и благодаря контактам с другими языками, за счет заимствования определенных слов. Заимствование является одним из неперенных источников пополнения словарного состава языка.

По своему генетическому составу термины, обозначающие обряды, состоят из общеалтайских лексем, например: *кут* в алтайском языке ‘зародыш, счастье’, *обо* ‘курган, возвышения из жертвенных камней’, *Тенери* ~ *Тенри* ‘Небо’ и

др.; из общетюркских лексем, например: *Умай* в алтайском языке ‘покровительница рожениц и детей’, *Жер-Суу* ‘Земля-Вода’, и из иноязычных иранских заимствований, например: *Кудай* ‘божество’, *Юч-Курбустан* ‘бог’, *Эрлик* в алтайском языке ‘бог нижнего мира’.

Заимствования занимают особое место в лексико-семантической системе языка. В момент вхождения иноязычное слово в известной степени переносится в язык-рецептор и лишь в процессе освоения, подстраиваясь к фонетико-морфологическим и семантическим нормам последнего, изменяет свою звуковую оболочку и смысловую объем.

По проведенному исследованию данного пласта лексики можно сделать следующий вывод: основу терминов, относящихся к обрядам алтайцев, составляют термины тюркского происхождения, в ее составе также имеются заимствования из других языков. Таким образом, обрядовая лексика алтайского языка состоит в основном из общетюркского пласта, что отражает его связь с другими языками.

#### Библиографический список

1. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
2. Черемисина, М. И. Языки коренных народов Сибири [Текст] / М. И. Черемисина. – Новосибирск: Наука, 1992. – 235 с.
3. Токарев, С. А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования [Текст] / С. А. Токарев // Советская этнография. – 1973. – № 6. – С. 27–35.
4. Аникин, В. П. Русское народное поэтическое творчество [Текст] / В. П. Аникин, Ю. Г. Круглов. – Л.: Наука, 1983. – 416 с.
5. Укачина К. Е. Алтай калыгыстын айлаткыш жандары. (Алтайские календарные обряды). – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2004. – 199 с.
6. Еремина, В. И. Ритуал и фольклор [Текст] / В. И. Еремина. – Л.: Наука, 1991. – 207 с.
7. Сатлаев, Ф. А. Коча-Кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев [Текст] / Ф. А. Сатлаев // Религиозные представления и обряды у народов Сибири в XIX – начале XX в. : сб. музея антропологии и этнографии. Т. XXVII. – Л., 1971. – С. 130–141.
8. Сагалаев, А. М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал [Текст] / А. М. Сагалаев, И. В. Октябрьская. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
9. Иванов, С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости [Текст] / С. В. Иванов ; отв. ред. Л. П. Потапов // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXII. – М. ; Л., 1954. – 839 с.